

В диссертационный совет ПДС 0900.008
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы»
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Али Джихад Аммара Раад Али Джихад на тему

**Иракский конституционализм: универсальные ценности и
национальные особенности»,**

**представленную на соискание учёной степени кандидата юридических
наук по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-
правовые) науки»**

Конституционно-правовые исследования арабских государств с религиозной (исламской) доминантой традиционно остаётся в тени внимания российских исследователей, даже несмотря на очевидное в последние годы смещение исследовательского фокуса с западных государств на восточные юрисдикции. Исключением являются крупные страны, актуальность исследования конституционного строя которых диктуется политико-правовыми соображениями сегодняшнего дня (Исламская Республика Иран, Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты и пр.). Республика Ирак, разумеется, к числу таковых не относится, что представляет собой, по правде говоря, досадное упущение российской науки: как и Ирак, Российская Федерация сравнительно недавно пережила кардинальный слом конституционного строя, причём, как и в Ираке, с социалистических на классические западные либерально-демократические рельсы (в 1990–1993 гг. в России и в 2003–2005 гг. в Ираке). Представленное диссертационное исследование Али Джихад Аммара Раад Али Джихад «Иракский конституционализм: универсальные ценности и национальные особенности»,

очевидно, намерено восполнить данный пробел, констатируя, что иракский конституционализм ранее не был предметом пристального внимания конституционно-правовой доктрины (стр. 3).

Интерес вызывает уже формулировка темы исследования: его объектом является не конституционное право Ирака как таковое (в позитивистском понимании: совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, входящие обычно в предмет регулирования конституционного права), а иракский конституционализм. Гипотезу о том, что под «иракским конституционализмом» следует понимать нечто большее, чем систему иракского конституционного права, подтверждают слова самого автора о том, что конституционализм им рассматривается в качестве «правовой идеологии», «историко-правового феномена» (стр. 4), «идеологии и практики реализации конституционных предписаний» (стр. 13), правовой философии (стр. 26). Специфика такого объекта исследования непременно требует выхода за пределы простого юридического анализа и обращения к историческим, социологическим и политическим аспектам.

Представляется, что методология и логика исследования в целом решают эти задачи. Если главы 2 и 3 диссертационного исследования сосредоточены, как правило, на позитивно-правовых и даже юридико-технических аспектах текста Конституции Ирака и основанных на нём правоприменительных решений, доктрине и практике, то глава 1 посвящена историографическим аспектам становления иракского конституционализма. В этом контексте особую оригинальность исследованию придаёт то, что автор прослеживает эволюцию иракского конституционализма с древнейших времён – когда об иракской государственности как таковой говорить не приходится. Это необходимый шаг для исследования иракского конституционализма с тех позиций, с которых его рассматривает автор. В диссертации рассматриваются все исторические периоды развития иракской государственности. Особое внимание предсказуемо уделяется периодам, где уже существовала писаная

Конституция (начиная с 1925 г.), а также текущему эволюционному отрезку, в основе которого лежит ныне действующая Конституция 2005 г.

Крайне любопытными и оригинальными, и притом, что главное, вполне обоснованными выглядят неожиданные авторские параллели современных атрибутов конституционализма с древними, античными и средневековыми явлениями (древнеегипетская «маат» (правда) – принцип справедливости (стр. 27–28), древнегреческий «графэ параномон» – конституционный контроль (стр. 36), избрание лимму в Ассирии – принцип сменяемости власти и выборности (стр. 30), дисциплинарное регулирование в древнеассирийской армии – идея о праве как о порядке (стр. 40) и т. д.). Безусловно, генетическую достоверность позиции автора можно оспорить, поскольку столь отдалённые параллели сами по себе являются спорными, а в работе автора они не подкреплены достаточными первичными историческими источниками. Тем не менее, как представляется, в этой части автор не претендует на глубокое историческое исследование (тем более это выходило бы за пределы научной специальности, в рамках которой подготовлена работа), а преследует иную цель – продемонстрировать интуитивность идей, лежащих в основе современного конституционализма, обусловленность их естественной природой человеческого общества, нуждающегося не просто в упорядочении, а в защите от произвола управленческих субъектов. Такое целеполагание в большей степени отвечает интересам исследования, которое явно намерено развеять стереотипы об иракском конституционализме как о чём-то чуждом и чужеродном иракской земле, «нелогичном» и противоестественном для иракского народа. Тем самым автор делает крайне весомый вклад в российскую науку, предотвращая стереотипные и скоропалительные заявления о «недоразвитости» арабского конституционализма в целом, отсутствии у него права на существование на фоне конституционного строя по «классическому» западному образцу. Кроме того, тезисы автора созвучны известной позиции И. Бентама, который видел в конституции инструмент, прежде всего, ограничения

власти и защиты подданных от произвола. В этом смысле и позиции соискателя хочется верить.

Тот факт, что диссертационная работа выходит за пределы позитивно-правовых представлений о конституционализме, подтверждает исследование различных типов правопонимания, которые были попеременно реализованы на современной территории Ирака (традиционалистский уклад, исламская система, социалистический строй и либерально-демократический уклад). Так, говоря об исламе и конституционализме, автор показывает, что несмотря на все различия между ними, в них доминируют схожие по логике, содержанию и назначению установления в сфере государственного строительства: идеи об ограничении власти, автономии личности, разделении властей и отдельных государственных функций (стр. 53–54). При этом автор категорично указывает на несовместимость социалистического и мусульманского правопонимания (стр. 177), однако столь подробно данную дихотомию не рассматривает. Во всяком случае, исследование различных типов правопонимания является преимуществом работы. Впрочем, иного от автора и не приходилось ожидать: Ирак является одним из редких в истории государства и права примеров, когда на одном и том же фундаменте попеременно реализовывались столь разные типы правопонимания, да и ещё будучи осложнёнными религиозным компонентом (шариат), что автор также подмечает (стр. 24). Без этой составляющей исследование было бы явно неполным.

Социологический аспект конституционализма также затрагивался автором, однако его исследование явилось менее обстоятельным, чем исследование исторических аспектов. Автор опирался на социологические данные при оценке политического процесса в Ираке (стр. 183), доверяя избирателей ко властным институтам (стр. 92–93). Особое внимание социологическим данным соискатель уделил при исследовании этнофедерализма в Ираке (стр. 143–144). Здесь автор приходит к оригинальным выводам о природе иракского федерализма, его «аффирмативности» (стр. 140), артикулирует стоящие перед ним угрозы.

В целом теоретическую основу диссертационного исследования составляют не только (и даже не столько) социологические данные, сколько труды политологов и юристов, причём как западных, оценивающих иракский конституционализм критично и с позиций универсальных конституционных ценностей, так и иракских, подчёркивающих и даже в известной степени «защищающих» национальные, самобытные особенности конституционализма в Ираке (примечательно, что подавляющее большинство иракских источников, использованных в работе, никогда не переводились на русский язык). Здесь, снова возвращаясь к названию работы, следует признать, что автор действительно сумел показать особенности конституционного права Ирака и идеологии конституционализма в этой малоизученной стране. Это было сделано не в реферативной, а в сравнительно-правовой форме: автор, анализируя иракскую государственность, оперирует классическим для западной конституционно-правовой науки терминологическим аппаратом, постоянно проводит параллели с российским (стр. 151 и многие другие), американским (ст. 91), французским (стр. 134), европейским континентальным (стр. 133) и другим мировым опытом. С учётом того, что работа выполнена на русском языке, заслуживает особой похвалы неподдельный интерес автора к российскому опыту, что выражается в многочисленных ссылках на позиции Конституционного Суда России, мнения советских и российских теоретиков и учёных-конституционалистов. Это, тем более, делает честь автору, который не является носителем русского языка.

Позитивно-правовая часть исследования выполнена в достаточной мере, затрагивает все основные конституционно-правовые институты, характерные для правовых государств современности. Каждый из них анализируется как с т. з. западной классической науки, так и с т. з. самобытной иракской реальности, чем выполняется генеральная цель исследования — артикулировать «общее» и «особенное» между «классическим» и иракским конституционализмом. Все сущностные черты иракского

конституционализма, отличающего его от прочих, концентрированно изложены в положениях, выносимых на защиту.

Говоря о той же позитивно-правовой части исследования, заслуживает особого внимания параграф 2 главы 2 работы, посвящённый институту конституционного контроля. Исследование конституционно-контрольной практики всегда вызывает особый интерес, поскольку именно в решениях органа конституционной юстиции мы обычно можем увидеть «живой», динамичный, «реальный» конституционализм, нередко несовпадающий с конституционной декларацией, отражённой в нормативном тексте. Автор избрал аргументативный подход к исследованию практики Федерального Верховного суда Ирака (стр. 110, 128), притом, что в авторском исполнении данный подход оказывается достаточно критичным, но объективным. С его использованием автор показывает, какие методы толкования права применяются Судом, какие правовые концепции известны иракской правовой системе в целом и как это, в конечном счёте, сказывается на обеспечении верховенства конституции. Соискатель ссылается не только на все основные *decisions* Федерального Верховного суда, но и на иные материалы, например, мнения судей (стр. 119), реакцию общественности на решения и т. п. О качестве и глубине исследования говорят и неочевидные выводы, к которым приходит автор, например, о высокой степени доступности конституционного правосудия для граждан Ирака (стр. 118), об использовании и развитии в иракской юриспруденции методов гармонизирующего толкования норм (стр. 127), об отсутствии в Ираке ограничений на юстициальность политических вопросов (стр. 129–130) и т. д.

Основные результаты исследования опубликованы в изданиях, входящих в перечни ВАК, РУДН, Scopus, количество статей соответствует предъявляемым к защите кандидатских диссертаций требованиям Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Автореферат в нужной мере демонстрирует содержание работы.

Несмотря на корректность общих методологических подходов к решению поставленных задач, общую логичность и стройность диссертационного исследования, достоверность (в целом) полученных результатов, работа не лишена ряда недостатков.

Применительно к позитивно-правовому компоненту работы, очевидно стремление автора охватить как можно большее число конституционно-правовых институтов для анализа. Однако представляется, что исследованы они в различной степени глубины и обстоятельности. Так, если конституционному контролю в Ираке автор выделяет целый параграф, отличающийся широтой эмпирической базы, применением сравнительно-правового метода, оригинальностью и научной новизной выводов, то этим не может похвастаться исследование исполнительной власти в Ираке, которой автор отвёл скромный подпараграф (стр. 89). Конечно, и данный подпараграф основан на солидной теоретической базе, в основном состоящей из работ иракских юристов, содержит любопытные выводы, следует понятной логике. Однако некоторая национальная специфика, которую, как следует из названия и задач работы, и стремится выявить автор, осталась нераскрытой и неисследованной. Например, автор лишь вскользь упоминает про конституционно-правовой статус общественных комиссий (стр. 94–95) – и это на фоне того, что институт общественного контроля, наличествующий сегодня практически во всех конституционных государствах, в работе практически не упоминается.

Конституционно-правовой статус личности – центральная часть любого конституционно-правового регулирования, что, судя по всему, автор понимает, поскольку отводит этому вопросу отдельную главу (глава 3). Достойны внимания рассуждения автора о юридико-технических особенностях регулирования прав человека в Конституции Ирака 2005 г. (стр. 146–147), «сакрализации» иракского гражданства, особенно в параллели с российским опытом (стр. 149) и др. Вместе с тем проблемы признания, соблюдения и реализации отдельных прав человека освещены автором выборочно. В то

время, как соискатель анализирует традиционные для исламских государств проблемы дискриминации по признаку пола и реализации прав женщин, национальных меньшинств, уважения личных прав, оставляются без внимания не менее важные, а с т. з. существующих исследований – более актуальные проблемы реализации отдельных прав в исламском мире (свобода слова и СМИ, политические права (что отчасти компенсируется в параграфе 2 главы 1), трудовые права). В работе не представлен взгляд иракского конституционного законодателя на права «нового поколения» (соматические права, право на свободное получение информации и т. д.).

В данном случае автор ограничивается весьма абстрактным указанием на то, что «отличий между мусульманским и конституционным правопониманием не так уж и много, и они могут скрываться лишь в нюансах, например, в вопросах признания или гарантии тех или иных прав человека» (стр. 53). Между тем, во-первых, такое утверждение игнорирует крайне существенную специфику гарантирования отдельных прав личности в арабских странах, тем более в Ираке, что очень сложно низводить до «нюансов». Во-вторых, данный тезис контрастирует с вполне обоснованной критикой автором состояния регулирования отдельных прав человека, которая представлена в параграфе 2 главы 3 диссертации. В этом проявляется некая непоследовательность позиции автора о состоянии верховенства конституции в Ираке, нежелание его в выводах исследования и положениях, выносимых на защиту, артикулировать критические проблемы, существующие в конституционном праве Ирака сегодня.

Говоря об «универсальных ценностях», автор имеет в виду, как правило, те атрибуты конституционного государства, которые характерны для западных правовых культур: англосаксонской и европейской континентальной. В этой части исследование было бы более полным, если бы автор учитывал «универсальные ценности», принятые в арабских государствах в целом. При этом известно, что арабский мир крайне неоднороден, в т. ч. в подходах к регулированию государственного строя, прав человека. Это подтверждает сам

автор, который верно замечает, что в разных арабских странах существуют разные взгляды на примат шариата, и в Ираке его верховенство с конституционно-правовой точки зрения остаётся лишь номинальным (стр. нечто такое, что присуще только западным государствам, в некоторой степени упустил возможность выделить такие особенности иракского конституционализма, которые отличают его не только от западного мира, но и от остальных стран арабского мира, и тем самым дополнить конституционно-правовой ландшафт Ирака оригинальными выводами.

В целом не вызывает сомнений способность автора работать с научными, нормативно-правовыми и правоприменительными источниками, получать на их основе новые научно значимые выводы. Вместе с тем в отдельных чертах потенциал некоторых заявленных автором методов остался раскрыт не в полной мере. Так, соискатель указывает на применение им метода *case-study* при анализе практики Федерального Верховного суда Ирака и, как следствие, национальных особенностей конституционно-контрольной деятельности (стр. только на позициях Суда (хотя они и не были ранее переведены на русский язык и ранее в российской науке не рассматривались) и не привлекает дополнительные материалы. В этих условиях говорить о полноценном использовании метода *case-study* достаточно проблематично. Вероятно, автору следовало обращаться к большему числу позиций учёных, мнений судей, или по крайней мере оценивать не отдельные аргументы и правовые позиции Суда, а помещать их в более широкие социально-политические контексты. С другой стороны, большего требовать тоже непросто, учитывая, что Федеральный Верховный суд Ирака, в отличие от, например, Верховного суда США, не публикует мнения и особые мнения судей, процессуальные документы сторон, записи и протоколы судебных заседаний.

Историографическая часть работы, несмотря на все её очевидные достоинства, также могла бы быть более доказательной. Несмотря на оригинальность

выводов, проведённые автором историко-генетические параллели между древнегреческими, вавилонскими, ассирийскими феноменами общественной и государственной жизни, с одной стороны, и современными конституционно-правовыми институтами, с другой, представляются слишком условными. При этом нельзя сказать, что они выглядят голословно или совершенно необоснованно, но они наверняка могли бы быть доказаны бóльшим количеством исторических примеров, наблюдений, свидетельств.

Вместе с тем отдельные параллели вызывают и концептуальные вопросы. Так, утверждения автора о том, что «[м]еры, направленные на рационализацию деятельности государственно-властного аппарата, стали прологом к идеям, схожим с идеями современного конституционализма» (стр. нуждаются в уточнении: не всякая рационализация деятельности органов власти порождает конституционный порядок, а некоторая даже может вредить реализации отдельных прав личности – тогда о верховенстве конституции и говорить не придётся. Далее, трудно говорить о том, что идеи порядка, рационализации работы государственного аппарата неизбежно эволюционируют в конституционализм: в других исторических условиях они могут эволюционировать в легитимизм, тоталитаризм, фашизм и иные идеологии, которым также свойственна нацеленность на порядок, но которые не имеют ничего общего с конституционализмом. Наконец, стоит ли вспоминать о том, что государственный порядок в узком смысле (рационализация деятельности органов власти) в принципе конституционно индифферентен и не самоцель конституционализма?

Анализ отдельных проблем иракского конституционализма, в т. ч. в исторической ретроспективе, порой ограничивается глубоким, обстоятельным, но тем не менее сугубо текстуальным анализом. Сказанное применимо, в частности, к анализу конституционного строя Ирака с принятием социалистической конституции 1970 г. (стр. 60).

Данные замечания не влияют на общий высокий научный уровень представленного диссертационного исследования. Поставленные задачи

выполнены ввиду верного теоретико-методологического подхода автора к их решению: в результате содержание исследования в полной мере соответствует его названию, а положения, выносимые на защиту, отражают искомые «национальные особенности» иракского конституционализма на фоне универсальных ценностей западных конституционных государств. В работе освещены такие аспекты конституционного права Ирака, которые ранее не получали освещения в российской науке. Выводы автора опираются на репрезентативную теоретическую и эмпирическую базу, в значительной степени состоящую из иракских источников. Это позволяет говорить о том, что исследование выполнено «изнутри». Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что автор, судя по всему, не является носителем русского языка, и это не помешало ему выполнить логичное, авторское, оригинальное диссертационное исследование, написанное на грамотном научном русском языке.

Диссертационное исследование Али Джихад Аммара Раад Али Джихад на тему «Иракский конституционализм: универсальные ценности и национальные особенности» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи установления специфики конституционализма в Ираке с учетом сложившихся в конституционной практике подходов к его реализации, имеющей важное значение для науки и практики в области конституционного права. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а ее автор Али Джихад Аммар Раад Али Джихад заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

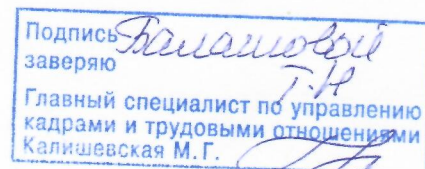
Доктор юридических наук
(12.00.02 – конституционное право;
муниципальное право),
профессор, профессор кафедры
гражданского процесса,
публично-правовой деятельности
и организации службы
судебных приставов
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

12.09. 2025 г.

Т.Н. Балашова

Подпись заверяю:

Сведения об организации: Полное наименование: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». Сокращенное наименование: ВГУЮ (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, контактные телефоны: +7 (499) 963-01-01, адрес электронной почты: гра@гра-